

Добро пожаловать в Россию!

Святослав Логиннов Дорогой широкой

Святослав Логинов

Дорогой широкой

«Автор»

2005

Логинов С. В.

Дорогой широкой / С. В. Логинов — «Автор», 2005

Новая жизнь моториста асфальтового катка Юрия Неумалихина началась в одно прекрасное утро после употребления внутрь четырежды заряженной различными экстраенсами чекушки водки. Антиалкогольный заряд, полученный Юрием, был столь силен, что привел его к неожиданному решению – совершить воспетое классиками путешествие из Петербурга в Москву. На собственном катке. Позади него лежал город над вольной Невой, а впереди ожидали встречи с такими незаурядными личностями, как многоликий милиционер Синюхов и обитатели деревни Бредберевка, которые посвятили себя изготовлению из одуванчиков... нет, не вина (о котором поведал одноименный классик американской фантастики), но более привычного в нашей реальности продукта – самогона! Словом, впереди лежала Россия третьего тысячелетия от Рождества Христова...

© Логинов С. В., 2005

© Автор, 2005

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Святослав Логинов

Дорогой широкой

Посвящается Татьяне Ивановне Русиновой из деревни Мошиново, Николаю Кондрашову (Коле Ключнику) из города Пестово, карачаевцу Аширу и всем остальным хорошим людям, что встретились автору на его пути: они шагнули на страницы напрямую из жизни и названы своими именами. И, конечно же, посвящается Богородице; единственная встреча с этим человеком заставила автора многое понять в жизни.

Глава 1

Асфальтовая болезнь

Привычка – вторая натура, поэтому не следует бросать вредное сразу, но постепенно.
Ибн Сина

Страшная вещь – рытвина в асфальте. Идёшь, как привык, по ровному, а она в самый непригожий миг ложится под сапог, и роешь носом дорогу, углубляя поганку, делая её ещё опаснее для ног и носов запоздалых прохожих. На морду после этого смотреть страшно, к зеркалу лучше не подходить. Называется – асфальтовая болезнь. Неприятная штука, выпито ничуть не больше нормы, а шуму и бабьей воркотни – как при крутом запое. Привезти бы асфальта, всего-то полкуба, и закатать проклятую ямину, чтобы следа не осталось, да куда там, сапожник без сапог... С пэтэушных времён помнится, что авторы учебника «Выравнивание дорожных покрытий» – Рытвин и Гладкий; видать, и их высокоучёным носам доставалось асфальтовой болезни, раз за такую книжку взялись.

Юра Неумалихин негромко, но внятно матернулся, поднялся на ноги, устоялся как следует, коснулся ладонью быстро припухавшей ссадины и решительной, хоть и нетвёрдой, походкой направился к дому.

Нужно ли в подробностях говорить, какая встреча ожидала Юрия в этом, с позволения сказать, доме? Вопрос риторический и ответа не требует, ответ каждый знает сам. Одна Любаня верноподданнически вильнула хвостом при виде хозяина, но и она тут же ушла в комнату, где гомонил вечно включённый телевизор. Дочь Надя, сопливка, невесть что о себе воображающая, отчётливо фыркнула при виде родителя и демонстративно захлопнула дверь в свою комнату. А чего закрываться, всё равно музыка там орёт так, что телевизора не слышать. Отца она, вишь ли, презирает... а сама-то покуривает тайком, думает, что никто не знает, да его не обманешь, он всё видит на три аршина под асфальт...

– Я так и знала, – произнесла тёща и убралась к себе.

Пользуются бабы, что квартира трёхкомнатная, вот каждая и фордыбачит на своей жилплощади. И только хозяину угла нет, хуже собачонки...

Десятилетиями выработанный рефлекс подсказывал, что на глаза Верке лучше не попадаться и вообще в комнате объявляться не стоит. Юра, не снимая сапог, шатнулся на кухню, придавил бесцельно включённый телик, где лица мексиканской национальности шумливо выясняли, кто, чего и от кого родил, и тяжело опустился на стоящий у стены продавленный диван.

Всё. Добрался. Сам. И чего дурам ещё нужно? Другие бы радовались, что мужчина домой пришёл, а им всё не так.

– Явился? – Верка подбоченясь стояла в дверях. – И с какой радости наклюкался?

– Отпуск у меня... – Юра потряс головой, восстанавливая связность речи. – Ты представляешь, июнь на дворе, самое время горячее, а они – отпуск. В марте небось не дали, а тут – пожалуйста.

– Понятненько... – догадливо протянула Верка. – Выперли за пьянку?

– Шо? – возмутился глава семьи. – Кто это меня выпер? Где они другого моториста возьмут, чтобы непьющий? В отпуске я! Вот вишь!

Верка споро проглядела замызганную распечатку, из которой следовало, что и впрямь благоверный получил сегодня отпускные и премию за сверхурочные работы во время зимних аварий на теплотрассах города. Лицо её смягчилось, но совсем ненамного.

– Деньги где?

Этого вопроса Юра ждал с самого начала. Лицо его расплылось в довольной улыбке.

– Фигушки тебе, а не деньги, – отчётливо произнёс он самоубийственную фразу. – Это тебе не зарплата, а отпускные. Я завтра в отпуск поеду, к брату в гости. Брательник у меня в Москве живёт. Знаешь он у меня кто?

– Да уж знаю, – процедила Верка, быстро обшаривая карманы Юркиной спецовки. – Третий год грозишься к нему в гости.

– Обещанного три года ждут, – Юра даже не пытался сопротивляться, позволяя вертеть себя словно муху, попавшую в ловчую сеть. – Вот на третий год я к нему и поеду, завтра, с утречка. Билет на поезд куплю и – ту-ту!

– Деньги где? – закричала Верка, убедившись, что ничего не найдёт.

– Я же сказал: «Тю-тю». В отпуск я еду, в Москву, к брату Грише.

– Ну всё, – лицо Верки не предвещало ничего хорошего. – Хватит. Кончилось моё терпение.

Юра ждал, что сейчас привычной колеёй покатит ежевечерний скандал, на Веркины вопли явится Софья Михална, затем Надька выскочит из своей комнатухи и завизжит, что все её достали, и только Любаня, забившись под стол, будет смотреть испуганным собачьим взором. Однако Верка, не сказав больше ни слова, круто развернулась и вышла. С полминуты Юра ждал возвращения жены, потом пожал плечами и лёг, натянув на голову спецовку, чтобы не слишком мешал зажжённый на кухне свет. Вставать и щёлкать выключателем сил не было.

* * *

Юрий Неумалихин – возраст – тридцать три года; семейное положение – женат; образование – среднее специальное; профессия – моторист асфальтового катка – спал, не подозревая, что Веркины слова о кончившемся терпении вовсе не являются фигурой речи. Терпение действительно лопнуло, так что зря Юра радовался, когда его оставили в покое. Привычный скандал безопаснее предгрозовой тишины.

Предгрозовая тишина постепенно заливала приватизированную трёхкомнатную квартиру в одном из безликих домов на улице Сикейроса. Отрыдал в телевизоре импортный сериал, отрокотал рок в Надькиной комнате, и Юрин храп стал слышен всем, проживающим совместно с квартировладельцем. На этот шум из большой комнаты, где в мирное время уютилась семейная пара Неумалихиных, вышла Юрина супруга. Недовольно поджав губы, оглядела кухню, потом принялась стаскивать с Юрия сапоги. Самочувствие спящего интересовало её меньше всего, заботил диван. Вообще-то, на этот диван без специального покрывала уже и не садился никто, поскольку был он отдан в безраздельное владение Любаньки, и неосторожно усевшемся приходилось потом отчищать брюки от налипшей собачьей шерсти. Так что диванчик стоял в кухне до тех пор, покуда жива Любанька, после чего его предполагалось вынести на свалку. И всё же валяться на диване в сапогах не следовало, поэтому Вера Максимовна стянула

с мужа рабочие сапоги и даже откантовала бесчувственное тело поближе к стенке, чтобы не свалился во сне. Совершив этот акт милосердия, Вера полезла в кухонный шкафчик и из самой его глубины, из-за банок с крупами и бутылок постного масла, извлекла стограммовый мерзавчик «Столичной» водки. Штука эта была куплена ещё два месяца назад, после того, как благоверный пропил квартальную премию, но пустить её в ход Вера Максимовна решила только сейчас. Впрочем, экстрасенс, зарядивший водку мощным антиалкогольным зарядом, утверждал, что магическая сила выдохнется из напитка только вместе со спиртом.

Экстрасенса Вера Максимовна нашла по объявлению в бесплатной газетёнке, которую кто-то, минуя разбитый почтовый ящик, регулярно подсовывал Неумалихиным под дверь. Зарядка бутылки обошлась в изрядную сумму, но если прикинуть, сколько суженый пропишет, должна была окупить себя при первом же запое. Возникал вопрос: как муж отнесётся к неожиданному подарку, не заподозрит ли недоброго, но многолетний опыт подсказывал, что недоброе суженый, быть может, и заподозрит, но от выпивки не откажется. А уж как объяснить странную доброту, подскажет ситуация. Поэтому Верка просто поставила мерзавчик на стол, подальше от края, поколебавшись минуту, выставила рядом гранёный стакан, ломоть чёрного хлеба и старенькую солонку с крупной солью. Теперь никто не скажет, что она плохая жена, даже сейчас всё сделала как следует, не упрекнёшь.

Верка вздохнула и отправилась в комнату, где ждала холодная супружеская постель.

Тогда скрипнула дверь тёщиной комнаты.

Софья Михайловна давно была недовольна зятем, можно сказать, с тех времён, когда он ещё и зятем не был. Но то, что Юрка начал вытворять в последнее время, не лезло уже ни в какие ворота. Прежде он так не пил. Впрочем, прежде и пить особо не на что было, а последние годы Юрка начал неплохо зарабатывать. Но всё равно – являться домой в сапогах и рабочей спецовке и по-свински валиться на диван!.. Не такую судьбу прочила Софья Михайловна единственной дочери. И раз так, то судьбу эту следовало исправить.

Оглядев сервированный стол, Софья Михайловна недовольно поджала губы, скопировав недавнюю гримасу дочери, и проворчала:

– Сама спаивает мужика, а потом удивляется, чего это он из стакана не вылезает. Вот ведь дурёха непутёвая! А и ладно, сегодня кстати...

Из настенной полки, из самой её глубины, из-за банок с вареньем и полотняных мешочков с фасолью и сухими бобами Софья Михайловна извлекла стограммовый мерзавчик «Столичной» водки и аптечный пузырёк, в котором бултыхалось несколько капель подозрительной жидкости. Бабка-шептунья, продавшая Софье Михайловне это зелье, клятвенно уверяла, что никакого вреда здоровью от него не приключится, а вот на винушке окормленный человек и глянуть не захочет.

Адрес шептуньи Софья Михайловна отыскала в бесплатной газетёнке, чуть ли не той самой, из которой непутёвая дочка вырезала координаты экстрасенса.

Поколебавшись мгновение, Софья Михайловна спрятала свою бутылочку до лучших времён, а мерзавчик, стоящий на столе, ловко вскрыла и опрокинула туда мутный отвар, изготовленный ворожеей.

– Так-то будет лучше, пусть молодые промеж себя разбираются. А я тут и вовсе ни при чём.

Окончив благое дело, добрая старушка скрылась в своей комнатёнке, самой маленькой из трёх, но зато отданной ей в безраздельное пользование, куда даже Любанька сунуться не осмеливалась.

Однако храповитое спокойствие недолго царило на кухне. Скрипнула дверь Надькиной комнаты.

Юрина дочь была в том скверном возрасте, когда девчонка начинает воображать о себе многое, но по сути ещё дитя дитём. Быть взрослой дочери отцом куда как проще, нежели возж-

жаться с тринадцатилетней девчонкой. Недаром число тринадцать называют чёртовой дюжиной; это самый бесовский возраст, от которого можно ждать чего угодно.

Оглядевшись на кухне, Надька фамильным движением поджала губы, решительно спрятала добытый было из кармана джинсиков мерзавчик «Столичной», а в открытую бутылочку всыпала порошок, полученный в Академии здоровья, чья беззастенчивая реклама украшала страницы бесплатной газетёнки. Газетёнка была изрезана маникюрными ножницами едва ли не до лохмотьев, но нужное объявление, по счастью, уцелело. Порошок обошёлся Надьке в двухнедельную сумму карманных денег, но о деньгах Надька не жалела – вечно пьяный предок достал круче.

– Спокойной ночи, папочка, – прошептала Надька и канула во тьме коридора.

Больше никакие двери в ночи не скрипели, и даже Юра перестал храпеть, лишь Любанька, традиционно ночевавшая на кухне, чуть слышно, по-комариному повизгивала порой. Конечно, она не осуждала хозяина и готова была и впредь уступать ему свой диванчик, но всё-таки жёсткий линолеум вещь не слишком уютная. Как следствие, комариный звук оказывался горестным воем, задушенным в самом зародыше и потому обладавшим особо сильным воздействием. Он заряжал коварный напиток сильнее, чем могли бы все экстрасенсы, шептуньи и гомеопаты вместе взятые. Четырежды заряженный мерзавчик опалово светился на столе, напоминая обитателя марианских глубин.

* * *

Вставать на работу Юре приходилось в полшестого. Жёсткий распорядок дня не знает выходных и не считается с запоями. Едва на электронных часах вызеленело пять тридцать, Юра открыл глаза. Конечно, во рту и голове было скверно, но не настолько, чтобы оплакивать погибшую жизнь. Хотя похмелиться бы очень не мешало.

И тут Юрий Неумалихин обнаружил расставленную на столе ловушку. Крошечный бутылёк для мужика не доза, но именно то, что требуется в похмельную минуту. Смущало лишь таинственное появление водки; Юрий совершенно точно знал, что никакого мерзавчика он домой не приносил. Значит, Верка... Сдурела, что ли? Или мириться хочет? Или просто боится, что он, как когда-то, не добежит до унитаза и облюёт всю кухню? Вопрос требовал осмысления, а организм требовал опохмелки. И, кажется, оба эти дела можно было удачно совместить. Юра, презрев подготовленный стакан, опростал чекушку из горла, занюхал корочкой, бросил на язык щепотку соли и, нащупывая в кармане помятую пачку сигарет, двинулся на лестничную площадку. В доме курить не дозволялось, с этим запретом Юра давно и навсегда смирился, не пытаясь нарушать его, даже когда пребывал в одиночестве.

Что-то непонятное творилось в отравленном организме, бродило, перетряхивалось, укладываясь по-новому, перестраивались ферментные системы, рвались прежние связи между аксонами и объявлялись новые, о каких Юрий Неумалихин и помыслить не мог. Слишком мощный антиалкогольный заряд несла четырёхкратно заряженная чекушка. Это всё равно, что картечью садануть по беспечному воробью, а потом удивляться, что это бумкнуло, почему серенький не чирикает и откуда взялись эти пёрышки.

Юра притворил за собой дверь, выудил из пачки сломанную сигарету. В голове было пусто, гулко, просторно. Никогда не думал, что там столько места. Блуждающий взгляд опустился на пачку, в глаза кольнула тысячу раз виданная, но не осознаваемая прежде фраза: «Минздрав предупреждает: курение вредит вашему здоровью». Первая истина легла в сияющую пустоту промытого мозга. Юра смял в кулаке и без того мятую пачку, кинул её в консервную банку, присобаченную к перилам, неуверенно помахал руками, словно гимнастикой заняться вздумал, но вместо того вернулся домой и прошёл в ванную. Включил воду, вытащил из стаканчика зубную щётку. Каждое движение казалось новым, словно в первый раз. Пасты

в тюбике, как нарочно, не оказалось, и Юра достал из шкафчика новую коробочку. Прежде, бывало, вскрывал упаковки не глядя, а тут остановился и прочитал набранный без единого знака препинания слоган: «Новый жемчуг предупреждает развитие кариеса восстанавливает и укрепляет эмаль зубов»...

Струнно дзенькнуло в новорождённом разуме, первая самостоятельная мысль подсказала: «Новый жемчуг предупреждает: развитие кариеса восстанавливает и укрепляет эмаль зубов». Стальные пальцы сомкнулись на коробочке, так что паста из раздавленного тюбика выступила наружу неопрятной белой массой. Любанька сквозь приоткрытую дверь с ужасом наблюдала за хозяином.

Юрий вымыл руки с мылом, ополоснул лицо, вытерся тщательно, как лишь в детстве приходилось, потом огляделся, соображая, что делать дальше. Вспомнил про деньги, которые были спрятаны на работе и которые предполагалось с утра оттуда забрать. Юра надел пахнущие гудроном рабочие ботинки и вышел, не думая, что вернуться домой придётся очень не скоро.

«Любаньку бы надо выгулять», – мелькнула мысль, но возвращаться Юра не стал. Полный дом баб, как-нибудь управятся без него.

На объекте безлюдничало субботнее утро. Тяжёлая техника сгрудилась вокруг бытового вагончика, ночуя безо всякой охраны, словно в старые добрые времена. Впрочем, даже в недавние недобрые времена дорожную технику почти не воровали. Ну кому, скажите на милость, в эпоху всеобщей разрухи мог понадобиться асфальтоукладчик? Бетономешалка или компрессор – иное дело, так немногие незаконсервированные стройки уже тогда охранялись денно и ночно, а подсобную технику на выходные не ленились зачалить и вздёрнуть башенным краном на изрядную высоту. Так они и радовали горожан по красным календарным дням: подъёмный кран, а на стреле у него, напоминая изловленного бегемотика, висит компрессор. Словно бросил народ работу на полудвиге и ушёл праздновать.

Бытовки в колонне были новые, пестовского производства, из самых родных Юриных мест, однако доверять хлипким дверцам Юра не спешил. С давних пор строительные вагончики привлекали юных тусовщиков, пьяные компашки, нариков и прочий подозрительный люд. Пожиться в таких вагончиках нечем, но всё-таки крыша над головой и от прохожих глаз укрытие. А уж если ночные гости случайно обнаружат прихованные денежки, то оприходуют быстро и не испытывая даже зачаточных угрызений совести. Деньги хранились в катке и не под сиденьем, а... впрочем, шестнадцатитонная машина содержит внутри своего механизма немало надёжных схронов, и выдавать их Юра не собирался никому и ни при каких условиях.

Деньги был целы, цел оказался и гражданский костюм, в котором Юра обычно ездил на работу – не каждое же утро катать через весь город в спецовке! Юрий переоделся, пересчитал деньги, уложил толстенькую пачку во внутренний карман пиджака. Спецовку и огудроненные сапоги спрятал в катке под сиденьем. Потом уселся сверху и задумался.

Что-то он хотел с этими деньгами делать... Ведь не принёс же он их домой, не отдал жене на хозяйство... Значит, были в отношении этих бумажек какие-то планы. Вспомнить бы теперь – какие? Жаль, что голова болит, мешая думать... И с чего бы ей болеть – опять непонятно.

Юрий потёр мозолистой ладонью трудно нахмуренный лоб и вдруг заулыбался. Вспомнил! Он же хотел ехать в гости к брату Грише! Брат Гриша у него в Москве живёт, знаменитый спортсмен-велогонщик, заслуженный мастер спорта. «Мастер спирта...» – эхом откликнулось в глубине души что-то недодавленное. Юра с трудом перетерпел приступ тошноты и поскорей вернулся к безопасным мыслям о предстоящей поездке. Вот прикатит он в стольный город, прямо на Садовое кольцо, и скажет: «Привет, Гришуня, не ждал? Принимаю гостя!» Это ж сколько лет не видались, хотя всего-то от Петербурга до Москвы семьсот километров! А дорога – вот она, широкая и по раннему времени почти пустая. Всё-таки удачно, что Юрина колонна строит развязку Кольцевой магистрали с Московским шоссе; не надо колесить по улицам и торчать в пробках, которые скоро заткнут весь город. А тут садись и езжай.

«Вроде бы на поезде собирался ехать...» – пискнул здравый смысл, но Юра, окрылённый мыслью двинуться в путь немедленно, шепотка не расслышал. Или не пожелал слышать. В самом деле, милиционер за грибами на чём ездит? На казённом мотоцикле! Пожарный к тёще на блины на красной машине катит да ещё и сирену включить не ленится. В ягодный сезон около черничника полный набор казённого транспорта ожидает: от совхозной развозки до чёрного обкомовского «ЗИЛа». Недаром поётся в народе:

«Помощь скорая» летела,
Что есть сил сигнал визжал,
Это зав райздравотделом
На рыбалку выезжал!

Казённый транспорт на то и существует, чтобы на нём ездить. А чем, спрашивается, хуже асфальтовый каток? В учебном пособии написано, что это машина, по сложности не уступающая автомобилю. Гусениц у неё нет, асфальт она не корёжит, а как бы даже наоборот. Значит, вперёд!

Юра выбрал на связке тяжёлый бульдозерный ключ, повернул его в замке зажигания. Давно прошли времена, когда тракторный дизель приходилось раскочегаривать с помощью вручную заводимого одноцилиндрового моторчика. Теперь и мы не хуже автомобилистов. Лиловый выхлоп быстро стал почти невидимым, свидетельствуя, что машину Юрий содержал в порядке. Многотонные валцы завибрировали было, готовясь к привычной работе, но Юра решительно отключил эксцентрики, шум сразу уменьшился, и трёхвальцовый каток «ДУ-62» плавно тронулся с места.

Любая, самая длинная дорога начинается с первого шага, с первого поворота колеса. Юра Неумалихин неспешно катил вдоль обочины, с каждой минутой приближаясь к Москве, где ждал брат Гриша. Утренний ветерок влетал в раскрытое окно, принося запах июньских цветов. Город с его шумом и смогом уходил в прошлое. И так было хорошо на душе, что Юра не удержался и запел на самый простонародный мотивчик:

Я читал у Ленина,
Я читал у Сталина,
Что колхозная дорога
Для деревни правильна!

Каток миновал недостроенную развязку кольцевой дороги; Европа осталась позади, впереди лежала Россия. Кто только ни указывает ей правильную дорогу, а она себе лежит как лежала, пораскинувшись на все четыре стороны.

Юра пел:

Там не сеют и не пахут,
А валяют дурака,
С колокольни палкой машут —
Разгоняют облака!

Глава 2

Товарищ сержант

*К сожалению, бывает,
Что милицией пугают
Неразумных мальшей.*
Сергей Михалков

Первый пост ГАИ (ныне эта организация называется как-то по-другому, но Юра, не будучи шофёром, этого не знал) находится немного не доезжая Колпино, в районе совхоза Ленсоветовский, но устроить засаду на беспечного водилу гаишники могут во всяком месте и во всякое время. Каток плавно удавливал обочину, оставляя позади один километр за другим. Вроде бы невелика цифра – три километра в час, не только стремительные «Запорожцы», но и велосипедисты презрительно обгоняли Юрин экипаж, но когда некуда особо торопиться, и эта скорость оказывается вполне достойной. Главное, ты не привязан ежесекундно к рычагам и можешь наблюдать коловращение бабочек и цветение солнечных одуванчиков по сторонам дороги. Именно туда нужно смотреть во время езды, поскольку самое интересное происходит не на трассе, а там, где кончается асфальт.

И вдруг июньская идиллия грубо прервана заливистой милицейской трелью.

– Сержант Синюхов, – козырнул милицейский товарищ и по-домашнему ласково добавил: – Нарушаем?

– Не понял, – по-братковски произнёс Неумалихин и тем подписал себе приговор.

– Знак «Стоп» видели? – пояснил сержант. – Он для кого повешен? А вы не только не остановились, но и скорости не сбросили. Кстати, где ваши права? Вы что, не знаете, что обязаны предъявлять их без напоминания?

Ничего этого Юра не знал, для него, десять лет работающего на автотрассе, существовал лишь знак «Осторожно, ведутся дорожные работы». Но в спор опрометчиво вступил. Покуда бдительный сержант изучал удостоверение моториста дорожного катка, Юрий углядел некое явление, показавшееся ему спасительным.

– А эти-то чего не останавливаются? – закричал он, указывая на безостановочный поток машин, стремящихся в Москву, где ждал истосковавшийся брат Гриша.

– Они притормаживают, – либеральность сержанта не знала границ. – Вот видите? При тормозил, практически остановился.

– Да ну... – возмутился Юра. – У него и сейчас скорость не меньше пяти километров, а у меня, когда вы мне свистнули, и четырёх не было!

– Упорствуем?.. – поинтересовался инспектор. – Нехорошо, гражданин Неумалихин. На первый раз ограничимся предупреждением и штрафом в сто рублей, а вообще прошу учесть, что споры с сотрудниками милиции не поощряются, так что ничего хорошего вы не выпорите.

Юра огорчённо крикнул и расплатился. Корешка за отнятую сотню сержант Синюхов не выдал, из чего Юра заключил, что мог пострадать и на большую сумму. Сержант отправился ловить очередного непритормозившего, а Юра породолжил путь, но уже безо всякой радости. Удивительно, как немного нужно, чтобы утреннее настроение сменилось вечерним.

Вечер не наступал долго, слишком уж близко был Петербург с его белыми ночами. Подобного чуда нет нигде на свете, хотя мурманчане утверждают, что у них ночи ещё белее. Не верьте, это неправда! В июне в Мурманске вообще нет ночи, ни белой, ни зелёной. Обалдевшее солнце бродит по небу, а обалдевшие люди бродят понизу. Никто не спит, разве что занавесившись глухими портьерами. А в Питере приходит недолгая тьма, напоённая потайным светом... Впрочем, Пушкин об этом написал лучше.

Ночь можно было признать лишь по уснувшим одуванчикам, но Юра, огорчённый потерей сотенной бумажки, по сторонам не глядел и одуванчиками не любовался. Ехал, как привык ездить на объекте – глядя на покрытие перед вальцами, и лишь удивлялся порой, почему асфальт не парит. Наконец, проснувшийся желудок напомнил о времени. Юра сообразил, что сегодня он не обедал, не завтракал и, кажется, даже не ужинал. Так оно и было, поскольку «сегодня» наступило меньше трёх часов назад, и большинство жителей Ленинградской области ещё не завтракали, не обедали и не ужинали. Хуже то, что и вчера Юра ничего не ел, даже ржаную корочку, которой занюхивал водку, оставил на столе, рядом с пустой чекушкой.

Шоссе было пустынным, иногда по нему, нарушая все скоростные режимы, проносился заблудший «Мерседес» да вдоль обочины спали в кабинах шофёры-дальнобойщики. Эти тоже могли, в случае нужды, ехать всю ночь напролёт, но понимали, что в пять утра в Питере делать нечего, и предпочитали переждать несколько часов на трассе и двинуться в путь с таким расчётом, чтобы с утра первыми подъехать к торговому порту или пивзаводу «Балтика».

Сиденья в катке были откидными, так что Юра мог устроиться на ночёвку ничуть не хуже любого дальнобойщика, но пустой желудок гнал вперёд, заставляя надеяться, что в Жарах или Ушаках найдётся магазин «Двадцать четыре часа», где удастся купить батон, копчёную ножку Буша и деревянный лимонад «Буратино».

Однако крупные населённые пункты частью оказались уже пройденными, а частью располагались далеко впереди. Это тому, кто мчится на легкокрылом «Запорожце», кажется, что деревни вдоль Московского шоссе стоят вплотную друг к другу, а попробуйте пройти пешком или проехать на транспортном средстве, развивающем в обычном режиме стариковскую скорость, тогда узнаете, сколько шагов между Трубниковым Бором и Опочиваловом. Постепенно желудок сдался и уже не напоминал о своей пустоте. Птицы, радуясь затишью на трассе, звенели утренние песни, в незагазованном воздухе разливалась свежесть, напоённая запахом просыпающихся одуванчиков и совсем чуть-чуть родным ароматом тёплого асфальта.

Давненько Юрию Неумалихину не приходилось встречать июньский рассвет. Жёсткий городской распорядок не считается с велениями природы. Положено вставать на работу в полшестого, и вскакивай, словно ванька-встанька, за минуту до будильника. И нет рабочему расписанию никакого дела, что зимой в эту пору на улице холод и тьма египетская, а в июне дисциплинированный работник с удивлением обнаруживает, что проспал рассвет. Нет уж, нормальный человек должен вставать с солнышком и с солнышком ложиться. Конечно, во время белых ночей спать почти не придётся, но зато можно отоспаться в декабре, когда ночная тьма сменить другую спешит, дав солнцу полчаса. Страшная сологубовская болезнь декабрит бродит по Питеру в последний гнилой месяц года, и хочется бежать туда, где тепло, где мандарин – не новогоднее лакомство, а дерево, растущее под открытым небом. Увы, все мы живём не как требуется, а как может. И далеко не каждый способен кинуть налаженную жизнь и, оседлав верный каток, уехать в гости к брату Грише.

Солнце раскрасило мир нежнейшей акварелью, жаворонки, захлебнувшись восторгом, взлетели в зенит, природа зазвучала столь мощно и радостно, что душа, омытая летним утром, уже не знала, какого заключительного аккорда ей ждать. И аккорд прозвучал звонкой трелью милицейского свистка!

– Старший сержант Синюхов! – приложив руку к козырьку, представился милиционер. – Нарушаем, товарищ водитель?

– Чево?.. – не понял Юра.

– Знак ограничения скорости видели?

– Какой знак? Не видел я никакого знака!

– Оно и заметно, что не видели. А знак, между прочим, на самом виду поставлен специально для вас. На этом отрезке разрешено развивать не более девяноста километров в час. А у вас какая скорость была?

– Я откуда знаю? – совершенно искренне сказал Юра, полагавший, что уж скорость-то он превысить не может ни при каких ограничениях.

– Вот, полюбуйтесь... – старший сержант продемонстрировал дорожный локатор. – Прибор – штука точная, и он говорит, что вы ехали со скоростью сто пятьдесят восемь километров в час.

– Не может быть! Коток больше пяти не развивает!

– Вы собираетесь оспаривать объективные показания локатора? В таком случае, извольте объяснить, каким образом вы со вчерашнего вечера сумели проехать более ста километров? Даже если вы двигались без остановок, всё равно – пять километров в час не получается.

– В школе у вас, наверное, по математике пятёрка была, – сдержил Юрий.

– Да уж не двойка, – согласился милиционер. Он ещё раз заглянул в удостоверение и спросил официальным голосом: – Так что, гражданин Неумалихин, штраф платить будем?

Юра молча добыл сотенную и протянул Синюхову.

– Вот. Поздравляю с почином. И с повышением в звании, само собой.

– Спасибо, – неуставно поблагодарил старший сержант. – А вам – счастливого пути. Вы, главное, правил не нарушайте, и тогда вам от меня никаких неприятностей не будет.

Ну что такое – сто рублей? Недаром же русская поговорка утверждает, что сто рублей – не деньги. И всё же достаточно ранней милицейской пташке требовать с водителя эту самую сотню, и всё – настроения как не бывало. Худо простому человеку на большой дороге, слишком много охотников шастает по ней в поисках добычи. И первый среди них – инспектор ГИБДД Синюхов. Он и встать пораньше не ленится, и не брезгует остановить потрёпанный «Москвич», а то и коток, совершающий самовольное путешествие из Петербурга в Москву. Именно поэтому инспектора Синюхова ценит высокое начальство, поощряет его и регулярно повышает в звании. И незачем называть сидящих в засаде ментов пиявицами ненасытными и прочими, не соответствующими действительности именами. По-человечески старшего сержанта очень даже можно понять. Вот только ста рублей всё равно жалко.

Неприятность следовало заесть, и Юра начал искать пицеточку. Непредубеждённому наблюдателю может показаться, что из Москвы в Петербург и обратно ездят исключительно восточные люди – так густо обсели дорогу шашлычные и чебуречные. На самом деле тайна проста: на свежем воздухе шашлык не только приятно есть, но и легко делать. Ржавый мангал, смонстрированный знакомым сварщиком, ольховые дрова (покупной уголь – это для городских извращенцев), вымоченное в уксусе мясо, которое теперь всюду купить можно, репчатый лук и балтиморовский кетчуп на гарнир – вот и вся премудрость покупного шашлыка. Себестоимости – никакой, а стоимость – огогонюшки какая! Всё вместе это означает – лёгкие деньги, а при лёгких деньгах всегда кормятся рэкетиры, что существенно повышает себестоимость шашлыка, а цену задирает выше всякого понимания. Так диалектика диктует экономические законы дикого капитализма.

О таких вещах хорошо рассуждать с приятелями за накрытым столом, что, мол, чудовищная цена дрянного придорожного шашлыка диктуется общественно-политическими, а не экономическими факторами. А когда едешь мимо придорожных забегаловок и во рту уже вторые сутки маковой росинки не было, а забегаловки дразнят обоняние мясным дымком... в душе просыпается классовая ненависть и к хапуге хозяйчику, и к люмпену рэкетиру. Трудно быть средним классом в стране, любящей крайности.

Наконец, в одном из встречных посёлков нашлась пристойная рабочая забегаловка. То есть пристойными были только цены, а холодные биточки сохранялись с доперестроечных, а то и допетровских времён, но Юра не был привередлив и отобедал разом за двое суток вынужденного поста. Народу в столовой было немного – то ли из-за утренней горячей поры, то ли просто непритязательное заведение не привлекало проезжающих. И всё-таки к Юре подсел словоохотливый старичок, из тех, что продолжают работать, выйдя на пенсию, и обедают по

столовым, хотя могли бы кушать и дома. Но где ещё старичку поговорить с проезжим человеком, излить душу и поделиться житейскими премудростями?

– Асфальтировать приехал? – старичок кивнул на Юрин каток и, не дожидаясь ответа, заявил: – Напрасный труд будет, только время зря потеряете.

Юра не отвечал, сосредоточенно гоняя по тарелке последнюю макаронину. Макаронина, не желая быть съеденной, извивалась как живая и упорно ускользала от вилки. Вилка была пластмассовая, одноразовая, хотя Юра серьёзно подозревал, что вечером их выволокут из бака, скоренько ополоснут и на следующий день вновь пустят в оборот. Старых гнутых-перегнутых алюминиевых вилок теперь не сыщешь даже в рабочих столовых – цветной металл дорог.

– Тебе, конечно, всё равно, – продолжал старик, – откукарекал, а там хоть не рассветай, а у нас этот асфальт из бюджета поселкового оплачивают. А теперь сам посуди: улицы раздолбаны, яма на ямине, не ремонтировались с одна тысяча какого-то года, но им же чинить неохота, им отчитаться нужно, что новый участок заасфальтировали. А зачем тут асфальт, ты мне скажи?

Площадка перед столовой когда-то была засыпана щебнем и, видимо, подготовлена для асфальтирования, но произошло это в давние годы, с тех пор к деревенскому долгострою никто не возвращался, улежавшийся щебень густо покрывал мусор, а по краям уже и невытапываемая мурава повывезла, обещая в скором времени обратить площадь в газон.

– Может, стоянку делают? – высказал предположение Юра, хотя он лучше всех знал, что его агрегат здесь проездом, никто его не подряжал, и никакого асфальта перед столовой не ожидается в ближайшие исторические эпохи.

– Какая тебе стоянка? – возмутился старикан. – Тут прежде эмтээсовская столовая была, механизаторов кормили, а чтобы проезжающие все обеды не слопали, директор МТС с ГАИ договорился, чтобы они знак повесили: «Стоянка запрещена». Так он и висит. Сейчас и сами не рады, а снять – нельзя. Вот и живём при большой дороге, а без выручки. Новый директор ходила в милицию, а с неё столько запросили, чтобы знак снять, что дешевле удавиться.

– Какой знак? – внезапно похолодев, спросил Юра.

– Да запрещающий останавливаться. Вон торчит.

Юра залпом допил компот и, не попрощавшись, выскочил из столовой. Самые его худшие предчувствия оправдались в ту же минуту. Возле катка терпеливо курил милиционер.

– Младший лейтенант Синюхов! – козырнул он. – Что ж вы, товарищ водитель, под самым знаком машину поставили...

Сотни было смертельно жалко, и Юра пошёл нахрапом.

– Ко мне этот знак не относится, – заявил он и, предупреждая ответную реплику, быстро добавил: – У меня спецтранспорт. Асфальтировать площадку будем. Сейчас асфальт привезут, и начнём.

– Зачем тут асфальтировать? – изумился младший лейтенант.

– Вот уж не знаю. Моё дело собачье: прокукарекал, а там хоть не рассветай. Прикажут грядки асфальтировать, придётся бабам морковку на асфальте садить. Может, они тут стоянку хотят делать, платную...

– Не было никакой информации о новых стоянках, – произнёс Синюхов. – Что-то вы мудрите, товарищ водитель. Но ничего, я это проверю.

– Проверяйте, – разрешил Юра и, окончательно зарвавшись, добавил с хамской улыбкой: – А вас, товарищ Синюхов, я поздравляю с понижением.

– Каким ещё понижением?! – взвился милиционер. – Не было никакого понижения!

– Как же не было? Сержантом вы каким были? Старшим. А лейтенантом стали младшим. Это вам каждый скажет, что попасть из старших в младшие означает понижение в должности. Как говорится, лучше быть первым в сержантах, чем последним в лейтенантах.

– Шутите? – догадался Синюхов. – Я тоже шутить умею. Так что до скорого, гражданин Неумалихин! Боюсь, что мы ещё встретимся... с вашим-то отношением к правилам дорожного движения.

«Хрена мы с тобой встретимся! – бормотал Юра, выжимая из катка все доступные ему километры. – Завтра я в Новгородской области буду, там другая власть, другие менты. Не достанешь, ручонки короткие!»

Настроение улучшалось с каждой минутой, спасённая сотня благодарно нежилась в нагрудном кармане.

И Юра запел, громко и бесшабашно, ничуть не беспокоясь, что могут подумать о нём встречные:

Когда б имел златые горы
И реки, полные вина,
Всё отдал бы за ласки, взоры,
И ты б владела мной одна!

Не всё спетое было понятно трезвому Юриному разуму, но главное в народной песне не понимать, а петь:

Оставь, оставь, ты злой изменщик,
Тобой Мария предана!
Ты пропил горы золотые
И реки, полные вина!

Глава 3

Попутчик

Богородица, дево, радуйся!
Архангел Гавриил

Человек стоял у дороги. Стоял с протянутой рукой, чем-то напоминая нищего, тем более, что держал её ладонью вверх, словно просил чего, а не перегораживал путь едущим. Сплошной поток машин просвистывал мимо, никто даже не пытался притормозить. Автостопщики знают, что чем крупнее дорога, тем сложнее поймать на ней попутку. Молодого парнишку, хиппующего студентика, ещё подберут, а остальных – нет. Голосующую девушку на трассе с полной уверенностью считают дорожной проституткой, а человеку в возрасте просто предоставляют возможность пропадать. Здесь всем некогда, во всяком случае, не до ближнего своего, который промелькнёт с протянутой рукой и мгновенно станет дальним. Вроде бы и не велики скорости на главной дороге страны, всюду мешаются ограничительные знаки и сторожат добычу бдительные коллеги младшего лейтенанта Синюхова, но плотность потока такова, что ради одинокого путника не станет тормозить никто. Пеший автомобильному не друг, не товарищ и не брат.

Начал накрапывать дождь, словно сама природа не хотела, чтобы ладонь просящего оставалась пустой.

Юра, скрипевший вальцами по самой обочине, высунулся из кабины и крикнул:

– Далеко тебе?

– Туда!.. – голосующий махнул рукой в направлении горизонта.

– Дотуда подвезу, – усмехнулся Юра. – Садись, не мокни.

Обычно рабочие, спасаясь от ливня, запрыгивали в каток на ходу, в последнюю секунду выдергивая ногу из-под накатывающего вальца. Запрещалось такое категорически, и каждый месяц бригада расписывалась, что знает о запрещении, но всё равно все прыгали. По негласному мнению русского человека, правила техники безопасности придуманы специально, чтобы их нарушать. Но ради попутчика Юра остановил каток и даже дверь сам открыл, словно перед важным барином. Откуда свежему человеку знать, как открываются двери у асфальтового катка? Может, свежий человек впервые видит вблизи чудо дорожно-ремонтной техники. Для пролетающего автомобилиста каток лишь помеха на пути, выставленная злыми дорожниками специально, чтобы не дать ему, автомобилисту, мчаться в своё удовольствие. Вон в цивилизованных странах дорожным мастодонтам днём на трассе и показаться нельзя, замену дорожного покрытия проводят ночью, втихаря, словно есть в переодевании дороги нечто постыдное. Вот и спрашивается, где простой гражданин может научиться впрыгивать в кабину катка за секунду до того, как нога его обратится в тонко раскатанный блин.

Попутчик влез в кабину не спеша, повозился, устраиваясь на пружинном сиденье. Было ему с виду лет пятьдесят, двухнедельная седоватая щетина густо покрывала щёки, лицо, измятое морщинами и покрытое сетью склеротических жилок, намекало на бурную молодость и известную слабость, которая в иных странах считается пороком или болезнью. С собой попутчик был невысок, хотя и плотен – этакий боровичок с червоточинкой. Старенький костюмчик, купленный в далёкие лучшие годы, был старательно почищен, возможно, специально перед выходом на трассу. Буквально всё во внешности встречного заявляло, что человек он лишний, а на автотрассе и вовсе посторонний, так что никто его не подберёт, не подвезёт и даже взглядом не удостоит.

Впрочем, несмотря на цвет лица, попутчик оказался трезв. Трезв до прозрачности, стерильно трезв... Такими трезвыми никогда не бывают люди непьющие, только алкоголик, испытывавший все прелести запоев и белой горячки, может протрезветь настолько полно. Чудилось, человек сейчас засветится изнутри и скажет что-нибудь возвышенное.

– Спасибо, – сказал человек. – Я уже два часа стою, а они всё едут. Куда, зачем – непонятно...

– По делам едут, – со знанием дела произнёс Юра.

– Это верно... – Попутчик помолчал, а потом произнёс нерешительно: – Простите, можно мне с вами посоветоваться? Совет мне нужен.

– Валяй, советуйся, – опрометчиво разрешил Юра. Слишком уж хорошо было на душе, весело при мысли, как облапошил младшего лейтенанта и ускользнул от него ненаказанным.

– Дело в том, что я Богородица, – признался попутчик, потеряв небритую щёку. – И вот я хотел спросить, мне Христа родить сейчас или обождать ещё немного?

Юра искоса поглядел на собеседника. Тот был совершенно серьёзен, судя по всему, вопрос о рождении Христовом волновал его весьма сильно.

«Валяй, прямо здесь рожай, в кабине!» – хотел сказать Юра, но что-то удержало его от бесшабашной фразы. Незачем ставить человека в дурацкое положение, даже если он сам туда влез. Человек волен выставить себя на посмеище, но не всегда следует над ним смеяться. Впрочем, можно и поязвить слегка, понасмехаться не зло, но едко, чтобы в следующий раз у встречного не возникало охоты развлекаться подобным образом.

– Я бы погодил, – раздумчиво сказал Юра. – А то родишь ты младенца, его надо будет титкой кормить, а у тебя её и нет! Пропадёт младенец-то, и вместо второго пришествия опять получится сплошное безобразие.

– Я об этом как-то не подумал, – признался несостоявшийся богородец, – а ведь это – довод. У меня, вообще-то, другие мысли были, но это тоже довод, да... Я действительно пока обожду.

Сказано это было так серьёзно, что Юру обожгло стыдом. Смеяться можно над глупцом, но нельзя над больным и калекою – неважно, телом он повреждён или разумом. Русские люди это всегда понимали, а если родовитые бары и держали при себе дурачков и шутов, так на то они и есть родовитые бары – люди только по имени русские, а на деле без роду и племени: оваряженные, опояченные, офранцузенные.

А удивительный попутчик продолжал говорить негромко, но так убеждённо, что всякий вслушавшийся невольно заражался его верой.

– Я ведь не просто взял да назвался богородицей... я действительно всё могу. Не только Христа родить, я могу всех людей сделать счастливыми, могу войны остановить, накормить могу весь народ, сколько его есть на свете, болезни изничтожить могу, злых могу добрыми сделать. Совсем всё могу, просто вот взял бы и сделал...

«Что ж не делаешь?» – хотел спросить Юра, но промолчал, понимая, что раз попутчик заговорил, то расскажет всё до конца.

– Я только одно думаю, ведь людям, если я им всё преподнесу, обидно будет. Они ведь люди, а не свиньи у корыта, они сами должны всего добиться. А тут представь: я пришёл и всё сделал! Зачем тогда людям и жить-то?

– Не делают они ничего сами, – пробурчал Юра, – а то, что делают, так лучше бы и не начинали.

– Вот и я о том же! – вскричал Богородица. – Глупые они, жаль их. Помочь хочется, а нельзя. Вот я и хожу по миру, смотрю на людей и жду, когда же они взаправду людьми станут.

– Так вот всю жизнь и ходишь? – спросил Юра, окидывая взглядом непрезентабельную внешность Богородицы.

– Нет. Я прежде плохо жил. Я ведь пил, сквернословил, я воровал и в тюрьме сидел. А потом вдруг понял, что я – Богородица! С тех пор и хожу.

– Понятно, – сказал Юра.

Как всякий нормальный человек, был Юра в делах обыденных сугубым прагматиком, ко всякой потусторонщине относился скептически, а в вопросах веры был полным пофигистом, напоминая чем-то свой каток – машину основательную, в высшей степени материальную и лишённую какой бы то ни было романтичности. Всяких проповедников считал нужным гонять нещадно, над новообращёнными христианами любил поиздеваться, задавая каверзные вопросы, а видя по телевизору крестящегося президента, демонстративно плевался и вырубал телик. Тоже, христианин нашёлся! Умный человек перед телекамерами креститься не станет, вера, если она есть, дело интимное и с пиаром несовместима. Всё это и впрямь было понятно, хотя на всякий случай Юра мнения своего за пределами семьи не высказывал; ещё засудят за правду о президенте, говорят, к этому снова идёт. С Богородицей тоже всё вроде бы понятно, а оставалась какая-то тревожащая недосказанность.

– Понятно, – повторил Юра. – Понятненько... А вот как же мне тебя, Дева Мария, называть? Маней, что ли?

– Да хоть горшком назови, – согласился Богородица.

– И куда же ты, Маня, ходишь? Докуда мне тебя подвозить? Я, вообще-то, в Москву еду, к брату в гости. А тебе куда?

– Да хоть куда. Земля русская широко лежит, не тут, так там мне место найдётся.

– А при чём здесь русская земля? Ты же еврейка, Маня!

– Да ну? – удивился Богородица. – А у меня в паспорте было написано: русский. Потом я, правда, паспорт по пьянке потерял, так что же меня за это из русских исключать?

Была в этих словах непробиваемая железная логика, и Юра бросил язвить, сдался...

– Ладно, – сказал он, – поехали вместе, пока едет. Только смотри, скорость у меня невысокая, в Москву ещё не сегодня попадётся.

– А что я там потерял? Бывал я в Москве, нет там России, одна сутолока копится. Вот ты скажи, было ли так, чтобы в чёрный год спасение России из Москвы приходило? Из Нижнего – приходило, в последнюю войну – из Сибири панфиловцы пришли, а из Москвы – никогда. Россия, она лежит от моря и до моря, между небом и землёй, между Питером и Москвой. Там её и искать надо.

– Адрес точный, – сказал Юра, – на деревню дедушке. По такому адресу – да не найти? Отыщем твою Россию.

Дождик кончился быстро, июньские дожди вообще преходящи и теплы. Легко намочит, легко и высушит, поэтому так радостно прыгать по лужам, подставляя лицо ласковым каплям, весело кричать: «Дождик, дождик, пуще! Дам тебе я гущи!» Чёрная, но никого не пугающая туча уползла мыть закопчённый Петербург, а здесь, на самой границе Новгородской области, засияло солнце, разбрызгалось на мокром асфальте, заставило встряхнуться напоённые влагой цветы.

Главная дорога страны рассекала пополам не отысканную покуда Русь, поля по сторонам густо желтели одуванчиками. Было их так много, что и травы не видно за июньским цветением. Июнь в России солнечно-жёлтый от одуванчиков, июль – голубой и лиловый от иванчая, колокольчиков и василька, и лишь в августе виден цвет травы: нежно-зелёный на отавах и выцветший там, где человек не смог или поленился пройти с косой.

– Гляди-ка, уже косят! – удивлённо воскликнул Юра, кивнув в сторону ближайшего поля, где два колёсных трактора бегали наперегонки, оставляя чисто выбритую прозелень. – Куда они так рано? Трава ещё не зацвела. Накосят одних одуванчиков, а с них не сено, а беда. Одуванчики пушиться в сушке начнут, скот такого есть не станет!

– Может, на силос? – предположил Богородица.

– Силос ближе к осени заготавливают, когда уже сушить нельзя.

– Тогда на зелёнку...

– Этакое поле на зелёнку стравливать?.. – не поверил Юра и круто повернул руль. – Поехали, глянem, чего это они не в срок сенокос начали.

Видимо, Богородице и впрямь было всё равно, куда ехать, ибо он ни полувзглядом не возразил против такого резкого поворота.

Красивый заасфальтированный съезд очень быстро превратился в просёлок, раздолбанный колёсами и гусеницами тракторов. Есть такой тип дорог, которые никогда не бывают проходимыми. Зимой они угрожают раскатами и наледями, весной и осенью – лютой, густо замешенной грязью, а летом – мельчайшей, всепроникающей пылью, которая пудрит в фекальный цвет окрестности, а при первом же дожде не медля превращается всё в ту же густо замешенную грязь. Нет на такой дороге хода ни пешему, ни колёсному, одни трактора с мазохистским наслаждением расплёскивают глинистую почву, хотя и они, бывает, садятся на брюхо. Прежде в той грязи, как говорят, валялись свиньи да возились детишки – подрастающее поколение трактористов-механизаторов. Растаптывали грязюку до состояния невиданной липкости и пачкуности, громко распевали специальные грязетоптательные песни: «Мышка, мышка, засоси!» – для топтания ногами и «Каша-малаша – вкусная каша!» – для ручного замеса. Теперь дети в деревнях перевелись, а свиньи заперты по закусам и об уличных грязевых ваннах могут только мечтать. Грязь скучает; единственное развлечение, которое ей осталось: пленить случайного «жигулёнка» и заставить обормота, возомнившего себя шофёром, шлёпать в полуботиночках по бездонным дорожным хлябям в поисках гусеничного спасителя.

При виде катка грязь заволновалась, готовясь к небывалому развлечению – шестнадцатитонный каток ещё никогда не попадал в её объятия. Однако развлечения не получилось. Каток попросту не заметил, что его собираются пленять. Навалившись всей тяжестью, он выдавил грязь с ложа, так что дорога разом обнаружила свою сущность, обратившись в глубокую канаву. Рассказывают, что в скором времени канава заполнилась водой, в ней развелось невиданное количество рыбы, с Балтики прилетели тучи чаек и едва ли не судоходство развилось. Впрочем, мало ли что рассказывают; автор за умеренную плату может ещё и не такое придумать. А пока грязь осталась без добычи, канава, прежде называвшаяся просёлочной дорогой, стала называться просто канава, а путешественники прибыли в населённый пункт, перед которым на старом, советских времён, основании были накрепко приварены вырубленные из листового железа буквы с названием деревни: «Бредберёво». Очевидно, волна переименований докатилась и в эту ещё очень относительную глубину.

Впрочем, хоть горшком назови, как сказал недавно Богородица. От перемены названия сущность не меняется – подобной теоремы в школьной математике нет, но всякий человек интуитивно чувствует истинность этого утверждения. А вот видимость и кажимость с изменением названия могут смениться на прямо противоположные. Что здесь первично, а что вторично – материалисту судить трудно, поскольку и название, и кажимость относятся к области идей. Именно идеи формируют наше будущее, а прошлое уже состоялось, заостенело и название ему: «История села Бредберёво». История эта имеет опосредованное отношение к путешествию из Петербурга в Москву, и желающие могут её пропустить. Но пусть потом не удивляются, когда кое-что окажется им непонятно. История, как известно, ничему не учит, но многое разъясняет.

Когда-то нынешнее Бредберёво считалось богатым посёлком, центральной усадьбой совхоза-миллионера, крупного овощеводческого хозяйства. Снабжали Ленинград капустой и морковью, а совхозных коров снабжали силосом и турнепсом. Сами овощеводы справиться со всеми полевыми работами не могли, да и не больно хотели. Конечно, пахали, щедро сыпали в землю минеральные удобрения, посмеиваясь над нитратной истерикой городских чудиков: «Подумаешь, нитраты! Быдло схавает!» Сеять тоже приходилось самим. Но на самые трудоём-

кие и низкооплачиваемые работы из города пригоняли быдло: студентов, инженеришек, заводских рабочих. Экономисты говорят, что рабский труд непроизводителен, тем не менее именно на бесплатном, рабском труде горожан возросли совхозные миллионы. Быдло кое-как пропалывало выжженные аммиачной селитрой поля, быдло лениво рубило капусту и дёргало турнепс, а потом само же быдло и жрало всё это.

Удивительно гнусное слово «быдло»! Употребляется оно исключительно рабами и в отношении рабов. Природа власти такова, что всякий, самый ничтожный раб хоть в чём-то малом, но обладает властью измываться над другими. Вот этих других он и называет быдлом. Фасовщица в универсаме, глядя, как любимый Барсик гадит в холодильнике на варёную колбасу, нежно мурлычет: «Барсинька, кисонька!..» – а по поводу изгаженной, но не слишком дефицитной колбасы бросает небрежно: «Быдло сожрёт!» Но и сама фасовщица оказывается быдлом для водителя троллейбуса, который везёт её, словно мешок с нитратной картошкой. А водитель троллейбуса – быдло для совхозного полевода, который травит водителя той самой пресловутой картошкой... Быдло всё сожрёт! Но потом полевод является в город за продуктами и жрёт обосранную Барсиком колбасу, замыкая таким образом круг всеобщей быдловости. И нет уже людей, есть беспросветное быдло; нет России, растёт и ширится страна Быдландия.

Парадоксальным образом выбраться из этой ямы можно лишь через ещё большую быдловость, через мерзостный разгул дикого капитализма. Хозяин какого-нибудь продуктового ларька, надутый Пфак-Пузырь, которому и имени другого нет, – неужто от него ждать спасения? Этот всех кругом почитает быдлом, хотя от самого быдловостью несёт за версту. Вот только универсам с кошколюбивыми фасовщицами был один на десяти тысячный район, а овощных ларьков повылезало, что грибов поганных. И вдруг оказывается, что тот ларёк, где продавщица вежлива, где вас не обвесят и не подсыпят в пакет пронитрованного гнилья, оборот имеет вдвое больше соседнего. И лопаются пфак-пузыри один за другим, освобождая место тем, кто считает встречного человеком. И уже оптовик не желает брать нитратку; сгниёт она у него на складе нераспроданной. И совхоз-миллионер «Пфак-Пузырь коммунизма» либо научается работать без вливаний рабского труда и смертельных доз бесплатного суперфосфата, либо разделяет судьбу всех прочих пузырей.

Нынешний посёлок Бредберёво стоял на плоской, как ладонь, низменности. Не было рядом ни речки, ни озера, да и леса пристойного не наблюдалось уже полторы сотни лет: вырубили ещё в дореволюционные времена, что сегодня почитаются благословенными, хотя были они ничем не лучше нынешних. И всё же дома здесь строились не блочные конурки, а избы из привозного полномерного бревна, пятистенки в четыре окна по фасаду. Огороды нарезались щедро, и уж там знатные полеводы амофоской не пользовались, знали, что самим жрать придётся, а то и попросту свиньям вываливать, поскольку овощи, перекормленные азотом и фосфором, храниться не могут и в скором времени расплываются вонючей слизью.

Теперь когда-то голубые и зелёные дома серели выгоревшей облезлой краской, бурьян забивал окрестности, а от прошлых времён осталась лишь непролазная грязь на улицах, которую так странно видеть в каком-то километре от многорядного шоссе. Не на пользу пошли перемены бывшему совхозу-миллионеру, и мину замедленного действия подложили под его благосостояние рабы-студенты, приехавшие пропалывать турнепсные поля.

То был последний заезд подневольных горожан, и потому, видимо, студенты чувствовали себя непривычно вольно и даже на танцы в местный клуб отваживались ходить. Местным парням, которые тогда ещё водились в деревне, такое самовольство не понравилось. Сочные студенточки на танцах всячески приветствовали, но то, что они вздумали ходить в клуб со своими кавалерами!.. Дело кончилось мордобоем. Деревенские к стычке готовились заранее, собрались плотной гопой, при свинчатках и штакетинах, так что нет ничего удивительного, что гнали наши городских до самого лагеря. А на поле боя Серёга Куликов подобрал трофей

– толстенькую книжку малого формата. Это ж надо такое придумать – ходить на танцульку с книжкой! Лучше бы то была недопитая бутылка водки или хотя бы пива. Но поскольку студенты на переговорах особо требовали вернуть утерянную книжку, то книжку не только не возвратили, но и прочли от корки до корки.

Не надо было этого делать! Печатное слово произвело на неокрепшие умы сокрушительное действие, сравнимое с бомбардировками Югославии и иными преступлениями международных террористов. Уже само название книги – «Вино из одуванчиков» – несло разрушительный заряд чудовищной силы. А ведь там, внутри, был ещё и рецепт!

«Они набрали полные мешки одуванчиков и унесли вниз, в погреб. Вывалили их из мешков, и во тьме погреба разлилось сияние. Винный пресс дождался их, открытый, холодный. Золотистый поток согрел его. Дедушка передвинул пресс, повернул ручку, завертел – быстрее, быстрее, – и пресс мягко стиснул добычу... Сперва тонкой струйкой, потом всё щедрей, обильнее побежал по желобу в глиняные кувшины сок прекрасного жаркого месяца; ему дали перебродить, сняли пену и разлили в чистые бутылки из-под кетчупа – и они выстроились рядами на полках, поблескивая в сумраке погреба».

Посоветовавшись, новые владельцы вредоносной книги взялись за дело. Они набрали полные мешки одуванчиков и стащили в заброшенный сеной сарай. За неимением пресса они конфисковали у матерей и тёток соковыжималки, что едва ли не насильно всучивались людям в эпоху раннегорбачёвской борьбы с алкоголизмом. Теперь дурацкие машинкигодились. Сперва тонкой струйкой, потом всё щедрее, обильнее побежал в подставленное ведро сок прекрасного, хотя и не слишком жаркого в наших широтах месяца; после чего ему (соку, а не месяцу) дали перебродить.

Конечно, рецепт оказался не слишком точен, маловато в нём конкретики... Дрожжи добавлять надо?... и сколько? Бродить с водяным затвором или достаточно хирургической перчатки «одобрям-с»? Почему бутылка требуется непременно из-под кетчупа? Пену снимать обязательно или можно потреблять прямо так, словно пиво? Вопросов было много, простых и сложнейших, но на то мы и потомки косоного Левши, чтобы со всякой трудностью справляться самым кривым образом. Где автор не дописал, там природная смекалка помогла. Недаром же посёлок держал первое место в районе по количеству рационализаторских предложений и разнообразию самогонных аппаратов.

Очень скоро выяснилось, что с дрожжами получается спорей и малость покрепче, хотя дрожжевой привкус у напитка потом не отбить; бутылки можно брать любые, а пену снимать обязательно, да ещё и с осадка вино нужно сливать, поскольку горький млечный сок, створаживаясь, выпадает в осадок, и избавляться от него следует непременно, иначе не будет у продукта ни вида, ни качества. Впрочем, качество в любом случае оказалось не на высоте. То, что винишко воняло цветами, это полбеды: в горбачёвские времена и не такую парфюмерию пивали. А вот крепость подкачала, никакого тебе бальзама из солнечных лучей, слабенькая кислятина, хуже «Рислинга», хоть целый стакан залуди, ничего кроме бурчания в желудке не наживёшь, жаркое лето по жилам бежать не желает.

Однако повторим, что недаром посёлок держал первое место в районе по количеству рационализаторских предложений и разнообразию самогонных аппаратов. Слитый с осадка золотистый настой для пробы залили в аппарат и получили на выходе такой нектарчик, что и не снился «Ливизу».

Привольно зажил Серёга Куликов со товарищи! Весело!

К тому времени на ажиотаж вокруг одуванчиков обратил внимание директор совхоза Пётр Петрович Иванов. Был Пётр Петрович профессиональным начальником, человеком старой закалки, но широких взглядов. По профессии он писался текстильщиком, но сначала работал директором бани. Оттуда перспективного работника перевели начальником отдела водоподготовки на крупный военный завод. Вроде бы дело знакомое, в бане вода, и тут тоже вода,

однако оказалось, что для заумной электронной промышленности вода требуется совсем иная, чем для помыва рядовых граждан. Как не справившегося Петра Петровича бросили на укрепление сельского хозяйства (было такое наказание для проштрафившихся ответработников). В должности главного инженера птицефабрики Иванова снова ждали неприятности. Среди бройлеров начался падёж, и с тех пор кудахтающее слово «энтерококкоз» стало для главного инженера грязным ругательством. Самое обидное, что зараза проникла в птицеблоки вместе с питьевой водой, в очистке которой главный инженер вроде бы должен разбираться. Впрочем, дело окончилось благополучно, комиссия сочла, что эпизоотия возникла по объективным, не зависящим от руководства причинам, и Иванов с повышением был переведён в совхоз – директором. Здесь он успел выстроить поселковую баню и сауну для районного начальства. Баня сегодня лежит в развалинах, и злой насмешкой кажется надпись над входом в мыльное отделение: «Оставь одежду всяк сюда входящий». А сауна функционирует до сих пор, хотя районное начальство за последние годы сменялось неоднократно. Неизвестно, что ещё было бы выстроено в посёлке, но золотые времена почему-то закончились, и совхоз-миллионер начал лопаться, словно какой-нибудь пузырь. Пфак! – и нет пузыря.

Тут-то и проявилась широта взглядов Петра Петровича. Совхоз по мановению волшебной палочки обратился в акционерное общество, и директор, он же главный акционер, приступил к преобразованиям. Было задействовано всё, что могло принести прибыль. Убыточное совхозное стадо сдали на мясо, продали лишнюю технику и нерастраченный запас минеральных удобрений. С опустевших коровников сняли шифер, вакуумные насосы от доильных аппаратов разобрали на части, сдали в металлолом бронзовые прокладки и медную обмотку электромоторов. Целый год доходы акционерного общества превышали все мыслимые пределы. Потом наступило похмелье. Продавать больше нечего, а кушать хочется каждый день.

Какие прибыли можно извлечь из глинистой ленинградской земли? Самим пропалывать и дёргать морковку? Так разучились овощеводы за столько лет владения рабами. А сама по себе морковка в Ленобласти не растёт, сами по себе растут только одуванчики.

Будучи профессиональным руководителем, Пётр Петрович неуклонно держал руку на пульсе вверенного коллектива и брожение среди молодёжи заметил очень быстро. Парни, которых никакими силами не заставить толком работать, неожиданно принялись вручную косить надоедливый сорняк и охапками стаскивать его куда-то. Ходили они при этом очень весёлые. Значить это могло только одно: для одуванчика объявился сбыт, кто-то скупает бесполезный цветок и платит за него звонкой наличностью. Или не звонкой, а булькающей, тут принципиальной разницы нет. Серёга Куликов был вызван на ковёр и допрошен с пристрастием.

Услышанному Иванов поверил не сразу, но, опробовав полуфабрикат (вино из одуванчиков) и конечный продукт, получивший у сельчан прозвище «бредберёвка», убедился, что дело стоящее. Книгу Пётр Петрович конфисковал, тоже прочитал от корки до корки и остался доволен как раз тем, что вызывало неудовольствие глупых юнцов. Рецепт и впрямь оказался неточен, да и само вино из одуванчиков у американского писателя можно было скорее счесть аллегорией, нежели реальным продуктом. А это значит, что реальный продукт можно патентовать и налаживать производство без оглядки на американского предшественника.

Неверно было бы думать, что начальники минувшей поры были людьми сухими и лишёнными всякой романтики. Поэзия живёт не только в мансардах, но и в канцеляриях. Перед распалённым взором Петра Петровича проносились картины одна заманчивее другой. Совхозные поля, которые отныне не нужно пахать, удобрять, культивировать. И пропалывать одуванчики тоже не нужно! Эта культура сама заглушит всё, что угодно. По цветущим полям бегают нарядные тракторы, стрекочут косилки, школьники проводят каникулярное время на конных граблях, которые только называются конными, но на деле цепляются всё к тому же безотказному «Беларусю». И усадьба – уже не те избы, что когда-то рубили вернувшиеся с войны сельчане, восстанавливая сгоревшую деревню. На их месте высятся современные двухэтажные коттеджи,

тонирующие в кипении вишнёвых садов. Вишня плохо родится в Ленобласти, но обойтись без кипения вишнёвых садов Пётр Петрович не желал ни в какую. Конечно, будет нужно выстроить новое здание администрации и дворец культуры напротив. На центральной площади посадить цветущие каштаны и голубые ёлки... После этого само собой в центре воображаемой площади начинал вырисовываться... нет, не памятник – скромный бюст на строгом постаменте.

Но самое главное – основа будущего благосостояния – сияющие заводские корпуса на холмах за городом (вот уже и город обрисовался, и холмы возросли). И на новом основании (бетонную надолбу советских времён с названием села – снесём!) строгие, исполненные достоинства буквы: АОЗТ «Одуванчик»! Хотя нет, одуванчик – это несерьёзно, сегодня он цветёт, а завтра дунул – и нет его. АОЗТ «Солнечный цветок» – тоже не годится, невежды будут думать, что здесь подсолнечное масло производят... «Солнцедар» – совсем бы хорошо, но, кажется, что-то подобное уже было. Ну же, смелее! смелее! АОЗТ «Глоток солнца» – вот оно!

В заводских корпусах одуванчиковый сок перерабатывается в благороднейший напиток – как там у американца?.. – «пойманное и закупоренное в бутылки лето, мягко мерцающее, словно раскрывающиеся на заре цветы». В отделе сбыта толпятся экспортёры, размахивают заявками, вперебой выдвигают самые выгодные предложения. В очередь, господа, в очередь! И помните, что прежде всего мы патриоты – не менее двадцати процентов продукции пойдёт на внутренний рынок.

На валютных вливаниях возрастёт благосостояние сельчан, улучшится быт, расцветёт культура и наступит всеобщее благорастворение воздухов. А у истоков грядущего счастья будет стоять он, Пётр Петрович Иванов, – неприметный человек с простым именем и фамилией – спаситель Отечества!

О заслугах писателя Рэя Бредбери и механизатора Серёги Куликова забывалось как бы само собой.

Впрочем, мечты мечтами; если они правильные, то мечтать у нас никому не возбраняется, но настоящий руководитель отличается от обычного человека тем, что правильные мечты правильно воплощает в жизнь.

Было собрано внеочередное собрание акционеров, которое заслушало доклад Петра Иванова. К собранию Иванов готовился серьёзно и начал прямоком с цитаты: «Ведь простой цветок, можно сказать, сорная трава, никто её и не замечает, а мы уважаем, считаем: одуванчик – благородное растение».

Сельчане выслушали речь молча, как сотни лет подряд выслушивали тысячи речей. Хочет барин новые порядки вводить – пусть его, лишь бы всё оставалось по-старому. Кто поактивнее – освоили «бредберёвку» самостоятельно, а остальным было до фени. Предложения Иванова утвердили и разошлись по домам.

На последние оставшиеся на счетах деньги были куплены бродильные чаны и старый винный пресс. Потом всё это заменится хромированным импортным оборудованием, а пока начинать нужно с малого.

Пробная партия вина, названного «Глоток солнца», была вручную разлита по пивным бутылкам. Этикетки, отпечатанные на цветном принтере, Иванов заказал за свой счёт, поскольку акционерное общество стояло на грани финансового краха, а если быть честным, то и за гранью.

С образцами продукции Пётр Петрович отправился на переговоры с представителями торговли. Тут-то и оказалось, что вино – это не нитратная морковь, на производство винной продукции требуются специальные разрешения и существуют особые ТУ и ГОСТы. Видали мы эти ГОСТы! – что ни бутылка, то палёная ацетонка. О прочей продукции можно и вовсе не говорить: в каждом ларьке выставлена говяжья тушёнка из гороха и крабовые палочки, при изготовлении которых не пострадал ни один краб. А тут настоящий экологически чистый

продукт с занитрованных совхозных полей! Бюрократы, начётчики!.. Им бы радоваться, что появился отечественный производитель, а они толкуют об экспертизе и прочей ерунде!

Пётр Петрович кинулся к экспертам, но и здесь потерпел полное фиаско.

– Вы полагаете, я стану пробовать эту вашу... продукцию? – брезгливо поджав губы, спросил известный дегустатор. – От неё за версту несёт пивными дрожжами.

– Народ хвалит, – настаивал Иванов.

– Наш народ издавна приучен хвалить всякое дерьмо, – отрезал спец.

И это называется свобода предпринимательства, торжество демократии, поддержка частной инициативы! А дегустатор – тоже хорош! – отфутболил, да ещё так издевательски... За эти бы слова да в былые времена укатали бы его в такие места, куда марочных вин и по календарным праздникам не завозят! Тоже мне, аристократ духа... хамьё, было!

В таком раздрае чувств Пётр Петрович вернулся в родное АОЗТ.

Впрочем, сдаваться он не собирался. У погибающего института был задёшево приобретён перегонный куб, в котором учёная братия дистиллировала воду, и не нашедший сбыта «Глоток солнца» был перегнан на «бредберёвку».

Тут уж всякий понимал, что с таким изделием на рынке в открытую появляться не следует. Если уж невинное винишко встретило столь грубый отпор, то что говорить о шестидесятипроцентной «бредберёвке»? От неё и впрямь по жилам начинало бежать жаркое лето, она благоухала цветами ушедшего июня, сивухой и свежескошенной травой. Есть ли для русского нюха более притягательные ароматы? Во всяком случае, для «бредберёвки» потребитель нашёлся немедленно.

Приезжали днём и ночью, на легковушках, грузовиках и тракторах; брали по десять бутылок и по двести ящиков. Оптовым покупателям была скидка, и все оставались довольны. Деньги пошли рекой, как в те времена, когда на мясокомбинат сбрасывалось совхозное стадо. Вот только корм оказался не в коня. Почему-то не строились коттеджи, не разбивались вишнёвые сады и не воздвигались на отсутствующих холмах блещущие стеклом и нержавеющейкой корпуса завода. Вся работа производилась на изношенном винном прессе и стареньком перегонном кубе. Лица сельчан серели с каждым годом, и никто не заводил речей о памятнике человеку, заложившему основу деревенского благополучия. Одни лишь одуванчики цвели, как и прежде.

Сам Пётр Петрович понимал, что развёрнутый бизнес не вполне одобряем и, случись что, отвечать ему, и на этот раз не удастся отделаться переводом на сельское хозяйство. Поэтому, скопив достаточное количество зелёных, как одуванчиковая ботва, баксов, Иванов бросил налаженное дело и навсегда уехал на историческую родину, в солнечный город с многозначительным названием Винница.

Когда полгода спустя ОМОН разорвал АОЗТ «Глоток солнца», Петра Петровича никто даже особо не искал. Мало ли в Бразилии донов Педров? – пропал, ну и чёрт с ним.

А вот деревня осталась на прежнем месте, хотя и в ухудшившемся варианте. Местный промысел омовцы потрепали, но совсем уничтожить не смогли. Сломали прохудившийся перегонный куб, вылили в навозную яму запас недобродившего сока, составили дюжину актов и уехали, не тронув даже пресс, который сочли слесарным оборудованием. Были бы наши края винодельческими, никто бы подобной ошибки не допустил.

Захилевший бизнес взял в нетвёрдые руки Серёга Куликов. Как и прежде, механизаторы с первых июньских дней косили одуванчики, старый пресс, пыхтя и пачкая продукцию машинным маслом, выдавливал сок, который немедля разбирался по домам. Добытчики не забыли, как двадцать тонн недобродившего полуфабриката было вылит в навоз. Поэтому теперь сок дохаживал в подсобных хозяйствах и перегонялся на подручном оборудовании, так что «бредберёвка» оказывалась всевозможных сортов и самого разного качества. Большая часть продукта потреблялась на месте, но и на сторону уходили сотни декалитров.

В деле благоустройства родного селения Серёга Куликов преуспел не слишком сильно, лишь однажды по пьяни вспомнив бывшую профессию сварщика, вырезал из прохудившегося бродильного бака железные буквы и переименовал село в Бредберёво. Название прижилось, и теперь даже старожилы не вдруг вспомнят, а как же называлась центральная усадьба совхоза-миллионера.

Впрочем, поцарствовал Серёга недолго, всё по той же пьяни вздумал как-то показать удаль: перепрыгнуть, сиганув из чердачного окна полуразрушенного коровника, через навозную яму, ту самую, от которой до сих пор, говорят, тянет вылитой брагой. Прыжок новоявленного Буслаева оказался неудачным, и Серёга утонул в навозной жиже.

Теперь в селе не осталось никого из тех, кто стоял у истоков бредбериводства, и наступил период полной анархии. Одна только сауна, на которую наложила хозяйственную лапу бывшая телятница Антонина, продолжала функционировать, и знатоки на иномарках заезжали к телятнице попотеть с молоденькими придорожными тёлками.

Могут сказать, что история села Бредберёво нетипична для нашей действительности. В целом по стране – да, нетипична. Но для сёл, лежащих в опасной близости от мегаполисов, увы, это их общая судьба. Цивилизация развращает тех, кто находится неподалёку, но сам вкушал её плоды только по телевизору.

Вот в это село и въехали на своём катке любопытствующие путешественники. Первым делом подкатали к магазину. Всякий странствующий и путешествующий знает, что именно в сельмаге проще всего узнать новости. К тому же достаточно удалиться от большой дороги хоть на полкилометра, как цены в магазине становятся божескими, а очереди пропадают. Однако здесь их встретила волнующаяся толпа. Люди стояли плечом к плечу, нипочём не желая упустить своей очереди. Голоса звучали резко и требовательно:

– Куда прёшь? Тебя тут не стояло!

– Больше двух в одни руки не давайте!

Пахнуло родным и застойным. Советский человек настолько привык стоять в очередях, что уже не мыслит себя без них и страдает, видя изобилие продуктов при отсутствии толпы. Случается, пенсионерка, явившись в Сбербанк к окошечку для коммунальных платежей и обнаружив, что очереди почему-то нет, поворачивается и уходит:

– Что?! И постоять негде? И с людьми не поговорить? Да я и платить тогда не стану!

Богородица, как и следует человеку не от мира сего, застыл в дверях, а Юра немедля ввинтился в толпу с извечным вопросом:

– Что дают?

– Дрожжи привезли, хлебопекарные, – ответили ему. – По килограмму расфасованы.

– А!.. – сразу потеряв интерес, протянул Юра. – Манёк, пошли отсюда.

Есть в русском человеке странная и необъяснимая стеснительность. Кажется, что проще подойти к первому попавшемуся человеку и спросить: почему у вас косят в неурочное время? Так ведь нет, непременно нужно изобрести обходной манёвр, словно ты не человек, а законспирированный Штирлиц. Должно быть, играет роль изначальная виноватость всех и каждого перед всесильной властью. На прямо поставленный вопрос, поди, и ответа прямого не получишь. Нужно совсем потерять представление о самосохранении, чтобы на прямой вопрос прямо и отвечать.

Углядев выскочившую из магазина девчонку, Юра и Богородица направились к ней. Девчонка тащила батон и две килограммовые пачки дрожжей. Ясно, что для себя такое не покупается, наверняка родители послали. Хлебопекарные дрожжи, – значит, хлеб печь собираются. А батон велели купить в качестве образца.

– Папа твой где? – спросил Юра. Предполагалось, что девчонка ответит, что папа в поле косит, и тогда будет удобно спросить, а чего это сенокос у вас раньше общепринятого начался.

Девчонка, однако, доказала, что родительские комплексы чужды ей напрочь. Она махнула пластиковым мешком в сторону дома и произнесла как само собой разумеющееся:

– Вон за домом, трактором самогонку гонит.

Гнать трактором самогон – термин незнакомый и многовариантный. Теперь путешественников было бы и за волосы не оттащить от жгучей тайны.

– Пошли, зайдём, – сказал Юра, и Богородица, позабыв на время о всеведении, тоже пошёл полюбопытствовать.

Прежде всего, за домом действительно обнаружился трактор. Обычная дэтэшка, давно отъездившая свой ресурс и замызганная до неузнаваемости. Очевидно, когда растаскивали совхоз, бывший механизатор явочным порядком прихватизировал общественное имущество, а прочие забыли или не захотели остановить самовольщика. Трактор стоял вплотную у стены и тархтел на холостых оборотах. Владелец лежал на расстеленной телогрейке и созерцал по-июньски синее небо.

– Здравствуйте, – сказал Юра.

– Приветик! – как старому знакомому обрадовался тракторист. – Вы по обмену опытом или покупатели?

– Можно сказать, что по обмену, – обмениваться опытом Юра был готов всегда.

– Смотрите, – кивнул хозяин на трактор. Встать он поленился, видимо, полагая, что опыта приехавшие могут набраться и сами.

Смотреть было особенно нечего. Трактор как трактор, кран слива воды на радиаторе открыт, и в подставленную бутылку капает прозрачная жидкость.

– Что-то я не врубаюсь, – сказал Юра.

– Чего врубаться-то? Ты же не мумбо-юмбо, гляди и смекай. В систему охлаждения вливаем бражку, только немного, четверть обычного. Врубаем дизель-мизель. Он, понятное дело, перегреваться начинает, потому как воды в системе нет. Но я без форсажа, на холостых, так что ни хрена ему не будет. Бражка от двигателя греется и закипает. Радиатор у нас заместо змеевичка – и всё тип-топ, вон какая слеза капает!

– А зачем? – спросил непонятливый Юра.

– Как зачем? – тракторист даже привстал со своей телогрейки. – Да ты смотри, сейчас фокус-покус покажу! – он встал окончательно, быстро сменил почти полную бутылку, отлил немного в стакан, макнул туда палец и чиркнул зажигалкой. Синий огонёк побежал по влажному пальцу. Фокусник плавно повёл рукой, загасив пламя прежде, чем оно успело обжечь его. – Видал-миндал? Ишь, как горит! «Бредберёвка», не хухры-мухры.

– Ага, – сказал Юра. – Понял. Здорово придумано. А почему «бредберёвка»?

– Стакан на грудь примешь, такой бред забирает – круть! Потому и «бредберёвка», – сообщил тракторист, показав тем самым, что у истоков движения он не стоял, американской книжки не читывал и разделяет заблуждения народной этимологии, всегда остроумной, но, как правило, неверной.

– А где бражку берёте? – продолжал уточнять Юра.

– Да это же сок одуванчиковый, винцо-дрянцо! Видал небось, народ на полях косит? Одуваны заготавливают, ядрён-батон. А того не думают, где сок будут жать. Говорят, Митька с Тимкой пресс пропили. Но меня ихний шахер-махер не колышет. Моя Ритка в столовой совхозной работала, так мы электромясорубку прибрали, когда пайщики свои доли расхватывали. Я там со шнеком помудрил – и во какая соковыжималка получилась! Двадцать литров в час отжимает.

– А где Митьку с Тимкой найти можно?

– На хрена они тебе? У них же нету ни фига. Ты у меня покупай – двадцать рублей бутылка. Качество сам видал – горит, зараза!

– Нет, двадцать рублей дорого.

– Ну, как знаешь. Ко мне люди в очередь стоят. А Митьку с Тимкой найти нетрудно. За деревней у силосных ям сарай шиферный стоит, там прежде цех комбикормов был, а потом винный пресс стоял. Там они небось и толкутся, чудаки на букву «м». Хотите, езжайте, пока их механизаторы бить не начали.

– Спасибо за помощь, – поблагодарил Юра.

– «Спасибо» не булькает, – отозвался тракторист больше для порядка. Понимал, что ничего ему тут не булькнет.

К шиферному сараю путешественники прибыли в самый разгар разборок.

– Что я?.. что я?! – кричал то ли Митька, то ли Тимка, ударяя себя в грудь. – Ты, что ли, не пил?

– А кто говорил, что ни хрена не будет? – орал второй, наскакывая на Митько-Тимку.

– Ну и говорил! А что, неправда? Как сказал, так и стало: нет ни хрена!

– Ты ещё шутки шутить? – зашёлся Тимко-Митька.

– Какие шутки? Он всё равно весь прохутился, масло в стороны брызжет. Золотники запасные кто налево загнал, я, что ли?

– Па-адумаешь, золотники!.. – Тимко-Митька плюнул в сердцах. – Пятнадцать лет он маслом брызгал, и ни хрена не было! Подлатали бы как-нибудь.

– Портки себе подлатай! Не мог он больше работать, и всё тут!

– А о чём ты всю зиму думал, шпенёк недоделанный? Тебе что, новый пресс вместе с одуванчиками вырастет?..

– А ты о чём думал? – отпарировал Митько-Тимка.

– С меня спроса нет – я в запое был.

– И я в запое...

Митька и Тимка замолчали и озадаченно посмотрели друг на друга.

– Чего делать-то? – произнесли они в один голос.

– Мужики, о чём шум? – спросил Юра, подходя ближе.

– Да вот, машина общественная сломалась, не фурычит, – ответил Митько-Тимка.

– Совсем сломалась?

– Ага. А мы – ответственные. Сейчас одуванчик повезут, а в сарае, кроме баков пустых, ничего нет, от пресса один кожух остался – ни мотора, ни прокладок... одним словом – как есть ничего. Раньше, в советское время, как дело к страде, всё само собой появлялось, знай список составляй, в чём некомплект. А эти дерьмократы, во до чего народ довели!

– Да уж... – согласился Юра. Он почесал в затылке и спросил Богородицу: – Помочь им, что ли?

– Помогать, оно хорошо, – с сомнением произнёс Богородица, – а что они сами делать будут?

– А они будут страдать, – жёстко произнёс Юрий, – потому что помогать я буду не бесплатно, а исполу.

– Ну, тогда другое дело, – согласился Богородица.

– Слышь, мужик, – осторожно спросил Митько-Тимка. – У тебя что, пресс есть?

– Есть, да не про твою честь. Сейчас я с товарищем переговорю, а потом уже и с вами, архаровцами, разбираться буду.

Он быстро дал указания Богородице, отсчитал деньги и, когда Богородица ушёл, вернулся к ожидающим механикам.

– Значит, так, – начал он начальническим голосом. – Сколько одуванчика вам привозят в день?

– Тонн двадцать... Можно бы и больше, а кто его перерабатывать станет? Пресс-то на ладан дышит, вернее, уже отдышал.

– Соку с двадцати тонн сколько выходит?

- А хрен его знает... Тонн пять-семь.
- Что так мало?
- Так ведь пресс-то на ладан дышит.
- Отдышал, – закончил Юра. – А теперь слушай сам и остальным передай: я работаю сегодня один день. Не больше и не меньше. Работаю дотемна, а потом уезжаю. Так что завтра уже выкручивайтесь как знаете. И второе: половина отжатого сока – моя.
- А ключ от квартиры, где деньги лежат, тебе не нужен? – хищно процитировал Тимко-Митька виденную в детстве киношку.
- Не хочешь – не надо, – Юра пожал плечами. – Так и скажи, я дальше поеду. Только учти, одуванчик у всех растёт, а пресс только у меня есть.
- Ну ты кровопивец!
- А ты – пропойца. Нечего было основные производственные фонды пропивать. Ну так согласны?
- За горло ты нас взял! – истошно выкрикнул Тимко-Митька.

На площадку выехал трактор, волокущий телегу, полную свежескошенной зелени. Золотые точки одуванчиков расцветчивали воз.

- Эй, прессовщики! – крикнул водитель. – Одуван принимаете? Куда сгружать?
- Сгружать погоди, – предупредил Юра. – Мы тут ещё не договорились с вашими. Может, и вовсе сегодня работы не будет.
- Согласны... – простонал Митько-Тимка.
- Это другое дело. А теперь за лопаты и чтобы в пять минут вычистить мне силосную яму.
- Да ну, пусть на землю валит, не всё ли равно, откуда в пресс грузить, – попытался отбиться Митько-Тимка.
- Разговорчики! – прикрикнул Юра. – Принцип единоначалия – основа армейской дисциплины. Я сказал – ты сделал! И пошевеливайтесь, не видите, трактор стоит!
- А хоть бы и врос он тут... – огрызнулся Тимко-Митька, но за инструментом пошёл. Вернулся он с двумя парами вил, и бывшие механики нехотя принялись вычищать бетонный желоб силосной ямы от остатков давно сопревшего силоса.

Юра сбежал к катку за совковой лопатой, которой ещё недавно раскидывали горячий асфальт, и тоже впрягся в работу. Пусть не в пять минут, но яма была вычищена. К тому времени возле сарая ожидали уже все три колёсных трактора, имевшихся в деревне.

- Сгружайте! – разрешил Юра, указав на яму.
- Удивительным образом все три телеги разгрузились автоматически, и вскоре на площадке вновь остался Юра наедине со своими нанимателями, которые, сразу успокоившись, заново принялись торговаться.

Радуюсь, что рядом нет Богородицы, которому такое дело явно не понравилось бы, Юра поднёс чугунный кулак к носу Тимко-Митьки.

- Я тебя предупреждал, чтобы разговоры в строю отставить. Я человек простой, дам раза – будешь лететь и думать – скорей бы стенка начиналась. Яму будешь рыть, чтобы бак встал. И чтобы как следует, а то я сам тебя в этой яме закопаю. Понял, трупешник?

Закапывать никого не хотелось, но Юра понимал, что иначе Митьку с Тимкой работать не заставишь, и старательно изображал зверя-начальника, акцентируя речь на рычащих и шипящих звуках и проглатывая букву «н»: «По'ял, тр-рупешшник?»

Перекуров Юра, сам так недавно бросивший курить, не дозволил: «Одуван преет, тут не сок будет, а ссык!» – и за полчаса яма была готова и двухсотлитровый бак установлен под лотком.

- А теперь – смотрите, как надо работать!

Юра ушёл за угол сарая, там взревел дизель, и шестнадцатитонная махина катка въехала в бетонированное ущелье. Громадные валцы мягко навалились на гекатомбу скошенных одуванчиков, подмяли её под себя... В первое мгновение сока не было видно, он пропитывал ещё не попавшие под гнёт кучи цветов, потом по бетонной плите побежал пенистый ручеек, всё щедрее, обильнее!.. Мутный поток нёс смытые стебли, пыль, недочищенные вилами остатки силоса – всё, чему теперь предстоит попасть в брагу и быть выпитым тонкими ценителями «бредберёвки».

«Бредберёвка» – слово это точно горчичник на языке, полная ложка жгучего хрена, порция огненного яда. В трезвую утреннюю минуту произнеси вслух «бредберёвка» и почувствуешь, как обмотанная тряпьем дубина хряпает по затылку, сокрушая разум, и нет уже мыслей, остался один всепоглощающий бред, он берёт тебя и уносит, укачивая на своих ядовито-зелёных волнах. Это тебе не детский напиток американского поэта, способный справиться разве что с насморком. «Бредберёвка» бьёт всех, кто пьёт! Только мы, с нашей любовью к крайностям, всякую вещь умеем довести до абсурда и обратить в свою противоположность, недаром же, поднимая стакан с отравой, русский человек говорит: «Будем здоровы!»

– Оттаскивай! – крикнул Юра, видя, что бак полон больше чем наполовину.

– Как? – спросил Тимко-Митька. – Он, сволочь, тяжёлый!

– Поднатужишься! – беспечно отвечал Юра. – Второй бак – мне!

– Слушай, ты не круто заворачиваешь? – вновь взярылся Тимко-Митька. – Этак и я согласен работать – разок прокатился – и сто литров сока в кармане.

– Кто тебе мешает? Работай!

– Ты мешаешь! Каток давай!

– А ты заслужил, чтобы его тебе давать? То-то! Пошевеливайся, лентяй, время уходит!

Хрипя от натуги, подсобники оттащили в сторону бак с первой сотней литров будущего зелья. Юра выбрал новый бак, почище, и самолично установил его в приямке.

– Это мне.

– Ну куда тебе столько, мил человек?.. – простонал Митько-Тимка.

– Туда же, куда и вам, – соврал Юра, сам не осознавая собственной лжи.

– Да не увезёшь ты столько!

– Увезёт! – мрачно запророчествовал Тимко-Митька. – У него всё продумано, он сейчас цистерну подгонит квасную. Буржуй!

– Квасная цистерна – это же тонна сока! – ужаснулся Митько-Тимка.

– Подумаешь – тонна! – с презрением отозвался Юра. – Я так прикинул, что мне шесть тонн нужно. А цистерны у меня нет, возьму только то, что в катке увезу.

– Хватит издеваться! – закричал Тимко-Митька. – Где ты там шесть тонн вольёшь?

– А ты подумай, – отвечал Юра, отвинчивая пробку на крыше катка. – Вот для начала – ёмкость для смачивающей жидкости. Штатный объём – двести пятьдесят литров. Я пока её заполнять буду, а ты сообрази, куда тут ещё пять тонн закачать можно. Да не ленись вилами махать – жмых убирай, сейчас новую порцию одувана привезут...

– Эксплуататор! – в голос рыдал Тимко-Митька, глядя, как Юра споро таскает вёдра с драгоценной влагой. – Мало мы вас в семнадцатом били!.. Разжирели на наших кровях...

Юра не отвечал. Он успел прикинуть, что шесть тонн – это больше пятисот вёдер, и работал зло и сосредоточенно.

Подсобники отволакивали третью порцию сока, когда возле ямы появился Богородица.

– Купил! – крикнул он, размахивая авоськой. – Две буханки чёрного, палку копчёного сыра, две банки сметков...

– Дрожжи купил? – перебил Юра.

– Два килограмма. Больше в одни руки не давали.

– Молодец. Ты этим рукосуям помоги яму от жмыха вычистить, а я покуда затор сделаю.

И откуда только известны непьющему Юрию Неумалихину терминология и технология самогоноварения?

Перочинным ножом Юра отрезал от блока грамм сто дрожжей, тщательно, чтобы ни единого комочка не было, растёр их с небольшим количеством сока, вылил густой затор в будущую брагу, перемешал. Сок в ёмкость для смачивающей жидкости был налит не под завязку, а чтобы оставалось место ходить забродившей жидкости. А то пойдёт пена верхом – хлопот не оберёшься. Жадность фраера сгубила, это правило Юра помнил хорошо.

Бригада под чутким руководством Богородицы к тому времени вычистила бетонный лоток и приготовила новые баки. При виде Богородицы Митька и Тимка разом угомонились и работали как заведённые. Вроде бы невидный мужичонка Богородица и о высоком своём предназначении помалкивает, а есть в русском человека чутьё на таких людей. Одни их называют блаженными, другие – психами, но все чувствуют инакость, исходящую от этих людей, и относятся к ним с боязливым почтением.

Приехали трактора, выгрузили одуван; работа пошла ровно. Даже такая работа, себе во вред, и то облагораживает человека. Спрашивается, почему тогда так редко можно увидеть человека работающего? Вот, скажем, бригада дорожников: один стучит ломом или долбит отбойным молотком, а остальные столпились вокруг и смотрят. Каждый, кто ходил по улицам, видел эту поучительную картину.

К вечеру было отжато десять тонн сока, и ровно половину непреклонный Юра забрал себе. Как и обещал, обошёлся без цистерны, заполнив почти доверху все имеющиеся на катке ёмкости.

На причитания, которые снова начались, Юра отвечал однообразно: «Нечего было пропивать основные производственные мощности».

– Манёк, вот ты когда-нибудь пропивал основные производственные мощности?

– Нет вроде, – отвечал Богородица совершенно серьёзно. – Не доводилось.

– А вот эти двое пропили. Нехорошо... Вот у меня знакомый есть, так у него прапрадед, ещё сто лет назад, кабак пропил. Представляешь?

– Силён мужик! – похвалил Тимко-Митька.

– Да и вы не слабе. Разницы никакой. Только у того кабатчика сто лет никто в роду не пил, а после вас, боюсь, и рода-племени не останется. Вы женаты или как?

– А на ком тут жениться? Одни в город уехали, другие уже замужем, а которые остались, те на трассе передком промышляют. Вот и думай, кто мне достанется?

– Да за тебя даже шлюха дорожная не пойдёт, – сказал Митько-Тимка.

– А за тебя?

– И за меня не пойдёт. Сдохну, – плакать некому будет, а земля чище станет. Вот и хорошо.

Богородица вздохнул, слушая исполненные притворного смирения слова, а Юра жестоко усмехнулся. Среди дорожных рабочих, которые мало чем отличались от Митьки и Тимки, подобные разговоры повторялись всякий раз, когда кто-то пытался уговорить товарища бросить пьянку. Так что не было в Юриной душе никакой жалости к своим случайным подсобникам. И дело тут даже не в том, что Юра твёрдо верил, будто в жизни не брал в рот хмельного, а просто слишком хорошо он знал цену таким разговорам. Недаром говорится: пей, да дело разумей! А таких самобичевателей Юра презирал и прежде, когда ещё... тоже не брал в рот и капли хмельного.

Вечером Митька и Тимка уже не называли Юру мироедом, а уговаривали остаться хотя бы на денёк на тех же условиях, что половина сока достанется ему, но Юра соблазн отверг и, отжав последнюю копну одуванчиков, развернулся и поехал прочь.

– Эх, – сказал на прощание Митько-Тимка, – глупая ты голова. Счастья своего не понимаешь.

На ночёвку Юра с Богородицей расположились неподалёку от сараев. К дороге выезжать не стали – нечего привлекать ненужное внимание младшего лейтенанта Синюхова. Поужинали всухомятку хлебом и сметками в томатном соусе. Издавна привычная и потому здоровая еда. Ближе к югу чаще едят кильку в томате, а у нас – сметок или ряпушку. Разницы большой нет, во всяком случае, Юра её не замечал.

Возле силосных ям Митька с Тимкой праздновали окончание рабочего дня. Изумительно перевирая мотив, они тянули в два голоса:

И Родина щедро паила мяня
Бярёзовым соком, бярёзовым соком!

Говорят, прежде люди пели от полноты души, а теперь вздумай кто запеть, не только что на улице, но и дома в насквозь прослушиваемой городской квартире, соседи сразу скажут: «Надрался с утра пораньше!» Даже караоке не приживается среди народа, переставшего петь.

С утра отъехали подальше от нескромных глаз и занялись утилизацией сока. Хлебопекарные дрожжи поработали хорошо, и хотя браге из одуванчиков следовало бы побродить ещё несколько дней, пробную порцию уже можно было гнать.

Бражку залили в систему охлаждения и, не щадя остатков солярки, поставили дизель на холостые обороты. Вскоре в подставленное ведро зазвенели капли первача. Капель становилась всё чаще, звонче, в воздухеплыли ароматы цветов и ещё чего-то незнакомого, притягательного и отвратительного одновременно.

У Юры с собой была кружка, а Богородица купил кружку вчера, когда отоваривался в сельмаге. Попутчики зачерпнули по полной кружке зеленоватой, мутно опалесцирующей, пахучей влаги, осторожно понюхали.

– Ну, – традиционно сказал Юра, – будем здоровы!

Странно устроена русская душа. Всё в ней вкривь и вкось да наперекосяк. Потому и не могут её понять возросшие на Декартовой логике европейцы. Уже спрашивалось, как может человек, пьющий отраву, говорить: «Будем здоровы»? Тут не о здоровье речь, а концы бы не отдать, не помереть в корчах. А для русского менталитета есть в этой фразе глубокий, почти сакральный смысл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.